

Д. Ю. СТЕПАНОВ

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЙ МИФ
В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОСКОВСКОЙ ЭЛИТЫ
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.

Предметом настоящей статьи является процесс адаптации этногенетической концепции, сформулированной в малороссийских исторических произведениях XVII в. в московской книжности или, выражаясь более конкретно, процесс восприятия московскими авторами южнорусского понимания того, что есть «русский народ» («руський род, племя, покоління»). Для начала оговоримся, что под этническим¹ мы понимаем такой тип самосо-

¹ Во второй половине XX в. в этнологии, этнографии, культурологии и социальной антропологии было разработано несколько подходов к изучению национализмов, предлагавшие собственные дефиниции к определению этноса. Одно перечисление подходов с характеристикой стало уже хрестоматийным для научной литературы, посвященной вопросу изучения формирования этнического и национального самосознания. В этой и других статьях мы сосредоточились на изучении источников, исходящих от представителей интеллектуальной элиты. По этой причине мы придерживаемся конструктивистского подхода, представляющего этнос как конструкт, создаваемый путем интеллектуального воздействия отдельных личностей — представителей политических элит. Среди наиболее известных представителей конструктивистского подхода можно выделить Б. Андерсона, П. Бурдьё, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2005. Т. 1–2; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780. СПб., 1998).

знания, который дает возможность соотнести свою идентичность с воображаемым сообществом² «народ», существующим в историческом, культурном и территориальном измерениях³.

В историографическом плане предлагаемая статья находится на стыке статей П. Бушковича⁴, М. В. Дмитриева⁵ и З. Когута⁶. Уже такой известный советский украинист, как И. П. Крипьякевич, в одной из своих статей обнаружил, что в южнорусской документации понятие «русский народ» появляется уже в конце XVI в., причем это понятие употреблялось в несколько другом контексте, нежели аналогичное в московской книжности⁷. З. Когут показал, что освещение русской истории у Иннокентия Гизеля, написавшего в 1674 г. знаменитый «Синописис Киевопечерский», который рассматривает историю народа и народов России, существенно отличается от того, как об истории России писал верный продолжатель старых московских традиций Ф. Грибоедов, для которого династический критерий протонациональной идентичности заслоняет собой все остальные.

П. Бушкович обнаружил, что в московской документации и книжности в середине — третьей четверти XVII в. мы наблюда-

² «Воображаемым сообществом» автор этого термина Бенедикт Андерсон называл такое сообщество, члены которого заведомо не могут знать остальных членов, относящих себя к этому сообществу. Андерсон связывал возникновение текстуальных сообществ с развитием системы образования и возникновением средств информации, что дает возможность «вообразить» такое сообщество (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001).

³ Такое понимание этнического самосознания является отголоском определения понятия «этнос», предложенного российским этнологом-конструктивистом В. А. Тишковым: «этнос — это группа людей, члены которой имеют общие название и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности» (Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 60).

⁴ Бушкович П. Православная церковь и русское национальное самосознание XVI–XVII вв. // *Ab Imperio*. М., 2003. № 3. С. 101–117.

⁵ Дмитриев М. В. Киево-Могилянская академия и этнизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) // *Київська Академія*. Вип. 2–3. Київ, 2006. С. 14–31.

⁶ Kohut Z. E. A Dynastic or Ethno-Dynastic Tsardom? Two Early Modern Concepts of Russia // *Extending the Borders of Russian History. Essays in Honor of A. J. Rieber*. Ed. by M. Siefert. Budapest-New York: CEU Press, 2003. P. 17–30.

⁷ Крип'якевич І. П. До питання про національну самосвідомість українського народу в кінці XVI — на початку XVII ст. // *Український історичний журнал*. К., 1966. № 2. С. 82.

ем исключительно династический и религиозный критерии идентичности представителей московской элиты. Даже в решении Земского собора 1653, провозгласившем присоединение к России украинских земель, об этническом, родовом единстве двух народов не говорится ни слова. Русские войска должны были сражаться за «государеву честь» и «благочестивую православную веру». Бушкович заметил, что единственные этнические «ноты» в официальных московских документах и литературе можно встретить только благодаря влиянию выходцев из православных земель Речи Посполитой, в первую очередь Симеона Полоцкого⁸. От себя добавим, что даже к концу 70-х — начале 80-х гг. XVII в. в великороссийских нарративах преобладали династические и конфессиональные мотивы при полном отсутствии каких-либо этнических составляющих. А. П. Богданов, изучавший малороссийские и великороссийские исторические произведения, обнаружил, что в «слове христолюбивому воинству», написанном Игнатием Римским-Корсаковым во время Чигиринских походов, отсутствуют любые мысли о древности славян и происхождении «славянороссийского народа». Даже более того, сами термины «род», «народ», «племя» Римский-Корсаков старался избегать. Его идеал: «и да будет, по гласу Спаса нашего, *едино христианское стадо*»⁹. Исключительно династические и конфессиональные аргументы, обосновывающие претензии Алексея Михайловича на южнорусские земли, использовал в одном из своих докладов государю такой образованный деятель московской дипломатии, как А. Л. Ордин-Нащокин¹⁰.

М. В. Дмитриев, подводя итог в историографической части своей статьи и представив материал, взятый им из северно-русских сочинений XV–XVI вв., пришел к выводу, что «в средневековье в Древней Руси мы видим немало существенных отклонений от западного образца»¹¹ («языки» вместо «nationes», «люди» вместо

⁸ Бушкович П. Православная церковь и русское национальное самосознание. С. 114.

⁹ Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII в. М., 2001. С. 44.

¹⁰ АЮЗР. Т. IX. стб. 233.

¹¹ Под «западным образцом» протонационального конструкта мы, вслед за Дмитриевым, понимаем позднесредневековые дискурсы, включающие в себя четкое представление о чешском (богемском), венгерском, польском, немецком, английском и прочих народах — *natio bohemica*, *natio hungarica*, *gens Polonorum*, *Deutsche Nation*, *English nation*. Различия протонациональных дискурсов в православной и западнохристианской культурах оказались

“народа” / “natio” / “gens” / “populus” /; некоторые особенности в том, как эволюционировали представления о коллективной “протонациональной” идентичности в XI–XV вв. и т. д.). Эти “отклонения” росли в числе и углублялись в своем содержании в Московской Руси в XVI–XVII вв.»¹².

К. Ю. Ерусалимский отметил, что в московской книжности XV–XVI вв. термины «народ», «народы» обозначали скопления людей, присутствующих при определенном событии. О более широком понятии «народ» как о некоем воображаемом сообществе в северно-русских источниках речи не идет¹³.

Совершенно иная ситуация складывается в украинской книжности начиная с конца XVI в. Оказавшись в орбите влияния европейской культуры в ее польском варианте, украинские полемисты и историки стали пользоваться польскими историческими сочинениями, постепенно адаптируя в своем творчестве не только их богатый фактический материал, но и (возможно, неосознанно) этногенетический конструкт. Этот процесс во многом связан с Брестской церковной унией 1596 г., вызвавшей в православной интеллектуальной элите Речи Посполитой длительную полемику о том, что же такое «русское» и каковы права «русского народа», причем в обоих случаях активно использовались произведения польских историков¹⁴.

в центре исследования проекта «Confessiones et nationes. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы», в ходе которого был издан сборник статей: Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время. М., 2008.

¹² Дмитриев М. В. Киево-могилянская академия и этнизация исторической памяти восточных славян. С. 18.

¹³ Ерусалимский К. Ю. Понятия «народ», «Россия», «Русская земля» и социальные дискурсы московской Руси конца XV–XVII в. // Религиозные и этнические традиции. С. 137–169.

¹⁴ Представление об этом процессе в первую очередь дают работы О. Б. Неменского. Особенности этнического самосознания Мелетия Смотрицкого // Леў Сапега і яго час. Сб. ст. Гродна, 2007. С. 304–309; Он же. Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кривы // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2005/2006. М., 2008. С. 41–78; Он же. Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в. (по материалам полемической литературы) // Религиозные и этнические традиции в формировании национальной идентичности в Европе. С. 180–197; Он же. Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом. Сб. ст. под ред. О. Б. Неменского. М., 2008;

В этом отношении, как нам кажется, нельзя не согласиться с точкой зрения американского исследователя Ф. Сысына, считавшего, что польская историография стала главным интеллектуальным стимулятором в «возрождении» исторического сознания южнорусской элиты, которая, осваивая модели и методы «латинской учености», отбирала из польского книжного наследия аргументы «исторических прав» украинского общества¹⁵. Однако вслед за Н. Н. Яковенко отметим, что эта трансплантация польских моделей и самих текстов не следует воспринимать как механическое перемещение идиомы «текст + мировоззрение». Даже при незначительной, на первый взгляд, редакции эти тексты испытывали сильную модификацию, что, по сути, изменяло пропорции общей картины¹⁶.

В результате этих процессов уже в 1621 г. появляется пространное историческое сочинение «Палинодия», написанное архимандритом Киево-Печерского монастыря Захарией Копыстенским. В этом произведении мы находим уже вестернизированный вариант прочтения терминов «род», «народ», «племя» и «поколение», этногенетический миф. Как отметил Б. Н. Флоря, Копыстенский впервые в рамках восточнославянской книжной культуры выдвинул положение о едином древнем «Роксоланском» народе, явившемся колыбелью славянских народов и положившем начало могучей Древнерусской державе¹⁷. Также Флоря отметил иерархичность этнических воображаемых сообществ в Палинодии. Так «великороссове» и малороссове», будучи хоть и близкородственными, тем не менее уже разделенными народами, принадлежали к единому «Росскому поколению»¹⁸. Этой иерархичности посвятил статью О. Б. Неменский¹⁹.

Основные составляющие этногенетической концепции Копыстенского (представление об истории как о процессе происхожде-

¹⁵ Sysyn F. E. Concepts of Nationhood in Ukrainian History Writing, 1620–1690 // *Harvard Ukrainian studies*. 1986. Vol. X. Nr. 3–4. P. 393–397.

¹⁶ Яковенко Н. Паралельний світ. Дослідження з історичних уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. К., 2002. С. 271.

¹⁷ Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 197.

¹⁸ Там же. С. 204.

¹⁹ Неменский О. Б. Воображённые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кривы. В своей статье Неменский рассмотрел этнонимы «роксоланский народ», «славенский народ», «руссы», «великороссове» и «малороссове» как воображаемые сообщества, чем предоставил в распоряжение исследователей, занимающихся близкой тематикой, удобный метод изучения этнического самосознания авторов исторических нарративов.

ния и развития народов, этногенетический миф, то есть происхождение «роксоланского» народа от легендарного первопредка, различные мифы о героическом прошлом славянского народа и представление о населении соседних государств как о близкородственных или, наоборот, чуждых народах), безусловно, вошли в более поздние малороссийские исторические нарративы, оказавшие влияние уже на московскую книжную культуру. Речь идет о сочинениях, созданных в 70–80-е гг. XVII в. в кругу киевских интеллектуалов — «Синописис Киевопечерский» Иннокентия Гизеля, «Кроника» Феодосия Софоновича и других. М. В. Дмитриев, изучивший этническую составляющую этих произведений, пришел к выводу, что «Синописис» и «Кроника» во многом сформировали и закрепили новую для России модель этноисторической памяти²⁰.

Однако процесс адаптации этнизированных представлений украинских книжников в московской интеллектуальной среде, чему и посвящена предлагаемая статья, еще пока не изучен. Итак, для того, чтобы более наглядно продемонстрировать изменения, произошедшие в московских исторических произведениях последней четверти XVII в. сосредоточимся на следующих вопросах. Как московские книжники понимали ключевое для этногенетической концепции малороссийских исторических сочинений понятия «народ», «род», «племя» и «поколение»? Был ли адаптирован московскими историками в их произведениях польско-украинский этногенетический миф? Для того, чтобы конкретнее понять, как же воспринимались термины «народ» и его синонимы, для примера приведем три наиболее известных украинских исторических произведений того времени — Густынскую летопись, «Синописис Киевопечерский» и «Кроники» Феодосия Софоновича.

Для начала отметим, что, по нашим наблюдениям, представители высших слоев украинского общества времени Освободительной войны и «Руины», используя термины «род» («поколение», «племя») и «народ», осознанно вкладывали в них дифференцированное значение. Так, говоря о «роде» и «племени», малороссийские книжники имели в виду группу людей, связанных, в первую очередь, общим происхождением. Например, в предисловии к своей Хронике Феодосий Софонович писал: «...бо своего *роду* не знающих люди за

²⁰ Дмитриев М. В. Киево-Могилянская Академия и этнизация исторической памяти восточных славян. С. 28.

глупыхъ почитаютъ»²¹, то есть «глупыми», по мнению автора, были те, кто не знал своего *происхождения*. В том же значении Софонович использовал слово «поколение»²²: «Руский народ ѿт Иафета сына Нѡева *ведет свое покольнне* и ѿт его сына Мосоха...»²³ В Густынской летописи мы находим такую этногенетическую конструкцию: «Ятвяге и Печѣнеги бѣше народ поганский, з Литвою и Половцы *единого рода*, но по-неже раздѣлишася, по времени и обычая, такожде и язык изъмѣнишася»²⁴. Автор летописи, говоря о двух народах, сообщает об их близости на основе общего происхождения, то есть принадлежности к одному роду²⁵. Сразу отметим еще такой пассаж: по мнению автора, разделение привело к тому, что эти два народа потеряли ряд таких общих признаков, как язык и обычаи.

Термин «народ» и его использование в среде украинской элиты изучаемого времени представляет большую сложность потому, что практика его применения была более широкой. «Народ» как обозначение этнической общности людей или группой (сословной или межсословной), обладающей общими политическими правами, мы находим в обиходе как среди южнорусских летописцев и историков, так и среди казачьей старшины.

В изученных украинских исторических произведениях слово «народ» употреблялось, в том числе, в значении «род, поколение». В таких случаях чаще всего речь шла о группе людей, связанных общим происхождением. «Народ» в синонимичном «поколению» и «роду» значении выступает в ряде фраз, приве-

²¹ Софонович Ф. Кроника з летописцев стародавних // Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх / Вид. Ю. А. Мицик и В. М. Кравченко. Київ, 1992. С. 56.

²² Термин «поколение» также, возможно, пришел из польских сочинений в значении «род» См., например у М. Бельского текст грамоты Александра Македонского славянам: «Oswyecosnemu pokolenyu Slwyeyńskuemu...» (Bielski M. Kronika wssytkyego swyata. Kraków, 1551. L. 157–157 vers. Цит. по: Мыльников А. С. Картина славянского мира. Взгляд из Восточной Европы. Этногенетические догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII в. СПб., 2000). Перевод соответствующего фрагмента в Густынской летописи: «Вам... си есть славенскаго рода людем...» ПСРЛ. Т. 40. С. 14.

²³ Софонович Ф. Кроника з летописцев стародавних. С. 56.

²⁴ ПСРЛ. Т. 40. С. 21.

²⁵ Такая конструкция в Густынской летописи используется неоднократно. Например: «Козаре, или Газаре, из Гуннами и Аварами единого роду бяху, и от единого корене, си есть Скифов, племене Магогова изыйдоша...» (Там же. С. 22).

денных в Густынской летописи. Например, говоря о славянах, неизвестный автор летописи писал: «И щитають о нѣкоихъ же народѣхъ доселѣ недоумѣние и несогласие есть хронографов, наипачеже о нашомъ словенскомъ народѣ не могуше совершеннѣ изыскати, *откуда изросте и начася сей славный и храбрый народъ*»²⁶. Народ автор связывал с его происхождением. Еще один пример: в рассказе о потомках Иафета в Густынской летописи можно узнать о народах, которые происходили от этого сына Ноя: «Вѣторый сынъ Гомеровъ Рифать, от сего Рифата родишася Пагнагоны, Енеты, Генеты, Венеды, Венедици, Анѣти, Аляны, Роксаны, Роксоляны; аки бы Русь и Аляны; Русь Москва; Ляхи, Славяне, Болгаре, Сербы. *Се сии встѣ единого суть народа и языка, си есть словянского...*»²⁷. Более того, неточно цитируя Повесть временных лет, автор Густынской летописи допустил довольно любопытный анахронизм: «И симъ образомъ в Сармації Европии разыйдеся *народъ Словенскій*, и оттолѣ даже донынѣ недвижимо пребываютъ...»²⁸. Известно, что в первой русской летописи слово «народ» упоминалось только два раза в значении «толпа», «большое скопление людей»²⁹, в то время как в приведенном фрагменте речь идет о всем славянстве или, по крайней мере, о его восточной ветви. В сочинении Софоновича есть такое выражение: «Ятъвежи были *едного народу* з литвою и з половцами и з прусами старыми, з готтов пошли...»³⁰. В данном контексте выражение «едного народа» мы вполне можем понимать как «единого происхождения».

Этногенетическая легенда, которую предлагали малороссийские историки, в общем во многом соответствовала той модели, которая была взята из польских исторических произведений. Родоначальником всех европейских народов признавался сын Ноя Иафет. Однако «прародителем» славян, начиная с «Синописа», считался Мосох, сын Иафета. Как отметил К. Ю. Ерусалимский, легенда о происхождении славян от Мосоха появляется в польской книжности в связи с чисто конъюнктурными соображениями — поиском компромисса с Москвой в годы Ливонской

²⁶ ПСРЛ. Т. 40. С. 12.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 15.

²⁹ Ерусалимский К. Ю. Понятия «народ», «русская земля». С. 158.

³⁰ Софонович Ф. Кроника з летописцев стародавних. С. 58. В аналогичном рассказе о Ятвягах в Густынской летописи используется термин «род».

войны³¹. Однако в «Синописе»³² роль Мосоха особенно заметна: его потомки, то есть славяне, автором соотносятся с «народом московским». При этом подчеркивается статус населения Великороссии как первого в ряду славянских народов: «И тако от Мосоха праотца славенороссийскаго по наследию его не только Москва народ великий, но и вся Русь или Россия вышереченная произыде...»³³

Адаптация описанного этногенетического конструкта в московской книжности началась в конце 60-х — начале 80-х гг. XVII в. Это было связано с возникшим в официальной переписке между Москвой и Киевом *этноконфессиональным* и *этнодинастическим* дискурсами, обосновывавшими подчинение украинских земель московской власти. Бурные события, порожденные Переяславской радой 1654 г., стимулировали интерес московской элиты к «общерусской» истории. Так, например, уже в 1657 г. при дворе Алексея Михайловича был создан Записной приказ, целью которого стало продолжение «Степенной книги» до современнос-

³¹ Ерусалимский К. Ю. Идеология истории Ивана Грозного: взгляд из Речи Посполитой // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 635.

³² Оговоримся, что историографическое и политическое значения «Синописа Киевопечерского» уже привлекали внимание многочисленных исследователей. Само произведение, издававшееся десятки раз на протяжении XVII–XIX вв., стало фактически первым учебником по истории. Несмотря на то, что, возможно, автор сочинения киево-печерский архимандрит Иннокентий Гизель при издании «Синописа» руководствовался сиюминутными конъюнктурными политическими целями (в первую очередь, надеялся мотивировать московскую верхушку продолжать борьбу против турок за правобережную Украину, на которой, по мнению автора, проживала часть единого «народа словенороссийского»), его влияние на русский исторический нарратив сложно переоценить. Концепция двуединой Руси, фактически, ложится в основу всех крупных российских исторических произведений, начиная с А. Манкиева, заканчивая В. О. Ключевским. Об истории написания и распространения изданий «Синописа» см.: Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859. Кн. 1; Сумцов Н. Ф. Иннокентий Гизель. К., 1884; Мильков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., Т. 1; Пештич С. Л. «Синописе» как историческое произведение // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. XV; Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории Старинной Украинской литературы XVI–XVIII вв. М.; Л., 1962; Самарин А. Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII–XVIII в.). М., 1998; Синопис Киевський / І. В. Жиленко. К., 2002 (Лаврський альманах. Спецвип. 2).

³³ Иннокентий (Гизель). Синопис или краткое собрание от различных летописцев. Киев, 1674. С. 5.

ти. Два года спустя этот приказ возглавил Григорий Кунаков, дипломат, специализировавшийся в русско-польско-украинских отношениях. Однако эта задача оказалась невыполнимой: легенда о происхождении власти московских царей от «Августа Кесаря», в которой под конец своей жизни сомневался даже ее главный адепт — Иван Грозный, оказалась неподходящей, и в 1659 г. Записной приказ распустили³⁴.

Этногенетический стиль исторического нарратива стал проникать в московские книги в связи с двумя фактами: первыми переводами сочинений Матвея Стрыйковского на церковно-славянский язык³⁵ и изданием «Синописа» в 1674 г. Сразу оговоримся, что этот процесс не был односторонним: некоторые пассажи были заимствованы украинскими книжниками 1650–1680-х гг. из московских исторических сочинений. Так архимандрит Киево-Печерского монастыря Иосиф Тризна в Патерике 1656 г. в разделе «Родословие пресветлых великих князей русских самодержцев откуда корень их изыде како распространяша в Великую Россию, и по времени кождо по преставлении своем где положен есть» пересказал версию «Степенной книги» о происхождении московской правящей династии от брата Августа Пруса³⁶. Следы «Сказания о князьях Владимирских» заметны и в «Кронике» Феодосия Софоновича³⁷.

Интересующие нас особенности украинских исторических произведений не всегда сразу принимались московскими историками на веру. Даже, казалось бы, лестный для великороссов сюжет о Мосохе находил в Русском государстве своих критиков. Так, например, этногенетическая концепция «Синописа» вызвала сомнения у неизвестного автора Забелинского летописца, составленного около 1680-го года³⁸.

Первым московским произведением, впитавшим в себя стиль и некоторые мифы «Синописа», стал Мазуринский летописец,

³⁴ Сиренов А. В. Степенная книга. С. 290.

³⁵ О первых переводах М. Стрыйковского в Москве см.: Christine Watson. Tradition and Translation: Maciej Strykowski's Polish Chronicle in Seventeenth-Century Russian Manuscripts. Uppsala, 2012.

³⁶ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 304. № 714. Л. 356.

³⁷ В разделе «О перших князех рускихъ» Софонович упоминает: «А тыи три князи варазкиї от цесаров рымских поколѣня род свои проводили, лот которых и нынешние цари православныи московскїи свое поколєна проводятъ». Феодосїй (Софонович). Хронїка. С. 58.

³⁸ ГИМ. Забелина 261. Л. 220–223 об.

написанный монахом Чудова монастыря Сидором Сназиным в 1682–1683 гг.³⁹ Одной из особенностей, которая бросается в глаза при прочтении сочинения, — активное использование терминов «род», «колено», «народ» и «племя» в том же контексте, что и в украинских исторических произведениях. Также Сназин активно использовал этнонимы — «руссы», «россы» и «народ славенороссийский». В разделе, посвященном Крещению, автор писал: «О сем коль краты *руссы* прежде Владимира даже до царствия его крестишася, известно буди всякому, яко и пред Владимира русияне быша неким странам, первое убо крестися *словено-рустий народ*, аще от святого апостола Андрея Первозванного...»⁴⁰ Мотив о неоднократном Крещении, который присутствует в приведенной цитате, скорее всего был адаптирован из Киево-Печерских Патериков, а этноним «славенороссийский» — прямое заимствование из «Синописа».

Как и в сочинении Иннокентия Гизеля, в Мазуринском летописце в исторической перспективе рассказывается не только о едином народе, но и о нескольких «русских народах»: «Лета 6497-го от рожества Христова 997-го того времени вси *росискии* — *белый и черный, восточный и полунощный и на полудни лежащии* — народи веру святую православную от греков прияша, крещением святым просветившеся и укрепившеся совершенно в христианстве по обычаю и уставом греческим, под властью святейшего константинопольскаго патриарха вселенскаго крепко и неподвижно пребывают...»⁴¹

Сназин, имея перед собой разные варианты этногенетических концептов, мог выбирать из них. Поэтому он расширил ряд легендарных первопредков как за счет польско-украинских, так и великороссийских версий. Мосох, названный прародителем «московитов» (сам этот термин был взят от польских историков) «соседствует» со Славеном и Русом, изобретенными новгородскими летописцами в середине XVII в.⁴² Помимо этого в Мазуринском летописце впервые среди великороссийских исторических произведений был приведен текст фальсификата «грамоты»,

³⁹ Подробно о С. Сназине и Мазуринском летописце см.: Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994. С. 14–63.

⁴⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 31. С. 27.

⁴¹ Там же. С. 47.

⁴² Сюжет о Славене и Русе был исследован А. С. Мыльниковым. См.: Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, гипотезы. СПб., 2000. С. 42–43.

якобы составленной Александром Македонским, что опять-таки является примером прямого заимствования из украинских исторических нарративов.

Новый стиль изложения был отмечен даже на самом верху московского общества. Мы располагаем так называемым «Предисловием к исторической книге, составленной по повелению царя Федора Алексеевича». А. П. Богданов считает, что это предисловие вполне мог составить сам царь Федор⁴³. Автор «Предисловия» предложил четыре основных способа составления исторического произведения — «вместное, деетельное, летное и родословное: «Вместное для того, что история впервых место и землю ту и страну, о которой хочет писати, изъясняет и определяет. Вдеетельное же потому, что розные бывшие дела и обычаи народов, что учинилось, описует. А летное, зане воспоминает время, в которое лето что учинилось и при которых начальствах, и при каких и когда. *А родословное, яко произведет род от народа от корени, яко Савромат от Амазонов или от Еллинов Греков и прочее...*»⁴⁴ За исключением погодного, все перечисленные способы изложения исторических событий (история территории прародины; события, связанные с ранней историей народов, зачастую, как мы увидим, легендарные; наконец, происхождение одного народа от другого) могли быть предложены и составлены автором, уже *обладающим этническим сознанием*.

По-видимому, желание составить единый свод российской истории, проявленное и царем Федором Алексеевичем, и его младшим братом Петром, стало причиной написания компилятивных исторических произведений. В одном из них, составленном в конце XVII в., несмотря на отсутствие критических замечаний к использованным источникам, приводятся интересные размышления на тему происхождения «московского» и «славянского» народа⁴⁵. Автор начинал текст со вступления: «Выписано на перечень из дву кроник Полских, которые свидетельствованы з греческою и з чешскою и с угорскою кроникою многими списатели от *чего имянуется великое московское государство* и от коея повести словяне нарекошася и почему Русь прозвася»⁴⁶.

⁴³ Богданов А. П. Летописец и историк. С. 8.

⁴⁴ Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Обзор источников. Ч. 1. Спб. 1871. С. XXXVIII.

⁴⁵ Оригинальный текст см.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Коллекция Румянцева, № 468.

⁴⁶ Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в изборники русской редакции. М., 1869. С. 438.

Влияние этногенетической концепции «Синописа» чувствуется уже буквально с первых строк. Первое место в ряду легендарных «прародителей» русского народа отводится, конечно же, Мосоху. Более того, совершенно в духе произведения Гизеля «московский народ» в этой концепции занимает место самого древнего рода, от которого произошли остальные славянские народы, так все они «едина мосохова колена, аще и разны имяны, но вси един Московский народ...»⁴⁷

Автор текста, работая с польскими (влияние их настолько ощутимо, что автор даже использует чисто польский политоним «Московия») и малороссийскими источниками, открыл для себя совершенно новый стиль подачи материала. Его глазам представила история *народа*, древнего и героического, осаждавшего Трои, воевавшего с Филиппом Македонским и даже пленившего его, получившего заветную грамоту от его сына, Александра. Все эти мифы есть в приведенной компиляции, их ряд заканчивается повествованием о «славянском» князе «Даницере» (на самом деле остготском вожде Одоакре. — *Д. С.*) и подводит к логичному в свете приведенных рассказов выводу: «Подобает бо *словенскаго народа храбрость слышати*, потом же множеству их ревновати потреба и в бывшей храбрости их веселитися достойно...»⁴⁸ Однако, в отличие от других компиляций, в приведенном фрагменте читается увлеченность составителя предметом повествования. Текст не просто состоит из выписок из польских и других центрально- и восточноевропейских источников, но в нем проскальзывает и авторская позиция: «И не мни убо яко мало поседоша мест или прота народа и нехрабра помышляеши, но не тако, приникни ко множеству кроник, тогда уверишися величества и храбрости народа того»⁴⁹.

В конце обзора этого источника, с точки зрения заданных вначале вопросов, поделимся следующим своим наблюдением. Как нам кажется, попытки поиска собственной этноисторической идентичности при помощи компилятивных произведений, основанных на зарубежных источниках, были свойственны широким кругам украинской интеллектуальной элиты в 50–60-е гг. XVII в. Компиляция, сохранившаяся в Румянцевском сборнике, структурно напоминает аналогичный текст, записанный неизвестным малороссийским автором около 1669 г. и обнаруженный

⁴⁷ Там же. с. 439.

⁴⁸ Там же. С. 441.

⁴⁹ Там же. С. 439.

нами в архиве казачьего рода Дворецких. Компиляция озаглавлена как «Истинные доводы о Русской земле, о ее границах, и начале монархии русской народа сарматского, взятые из хроники Гваньини»⁵⁰.

Первым учебником по русской истории, написанным великороссом, стало «Ядро российской истории», сочиненное в шведском плену А. Манкиевым в 1717 г. Несмотря на то что «Ядро» не получило одобрение Петра I, сочинение Манкиева разошлось в большом количестве списков и выдержало три издания, пока, наконец, его место не заняли труды М. М. Щербатова, Ф. А. Эмина и Н. М. Карамзина⁵¹. В этом произведении, источниками которого были как «Степенная книга», так и «Синописис», совмещены московская историографическая традиция, с ее династическим стилем повествования, и польско-украинский этногенетический конструкт. Легенда о «прародителе России» — Мосохе — в сочинении Манкиева, как кажется, находит свое логическое завершение: «Мосох или Месех был патриарх и родоначальник народов московских, русских, польских волынских чешских, мазоветских, болгарских, сербских, кроатских и проч. Всех, которые язык славенский употребляют»⁵². Таким образом, на официальном историографическом уровне московской книжности была адаптирована легенда о прародителе в том варианте, который мы находим в «Синописисе». «Мосох Яфетович» стал основным генеалогическим звеном в родословии русского народа. Характерно, что весь сюжет о Мосохе, трактовка его имени, а также этимология этнонима «славяне» — все это почти дословно было перенесено Манкиевым из «Синописиса». В разделе «О доблестях народа российского» автор в духе украинских книжников приводит все исторические мифы, удревняющие происхождение славян: совместные военные походы славян с Александром Македонским, войны с Октавианом Августом, легенда о «славянском» князе Одоакре, захватившем Рим. Все эти легенды, по мнению автора, должны были стать аргументами для обоснования следующего тезиса: «О доблестях и храбрости славянского и российского народа многие творцы изрядно поминают»⁵³. Автора «Ядра»

⁵⁰ В оригинале текст озаглавлен как «Истинные доводы с крайники Кгавина о русской земли и о границах ея и ѿ початку монархиѣ русской сармацкаго народа». Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Q. XVII. 220. Л. 59–60.

⁵¹ Сиренов А. В. Степенная книга... С. 371.

⁵² Ядро российской истории. М., 1770. С. 6.

⁵³ Там же. С. 15.

характеризует определенный «исторический» патриотизм. Так, опираясь на версию Гизеля об этимологии названия славян, Манкиев таким образом оспорил версию о происхождении этого этнонима от латинского слова, обозначающего невольников⁵⁴. Следует отметить и другое, менее очевидное заимствование из Синописа: Манкиев особое внимание уделял истории Киева. Временное пребывание «стольного города и красоты всей России» под литовской и польской властью трактовалось автором как «отпадение» от Руси и «Российского самодержавия»⁵⁵.

Таким образом, «Ядро российской истории» стало первым великороссийским оригинальным сочинением, полностью вобравшим в себя этногенетическую концепцию «Синописа», его легенды, связанные с древностью «российского народа», а также не сформулированное, но присутствовавшее в обоих произведениях представление о двуединстве Руси.

Подводя итог представленному в статье материалу, следует отметить, что восприятие этногенетической концепции украинских исторических произведений в московской книжности не носило чисто механического характера⁵⁶. Принятый в среде московских историков до издания «Синописа» и перевода трудов М. Стрыковского на церковнославянский язык конструкт, соответствовавший «Степенной книге», лежал в другой плоскости идей. По сути, польско-украинские произведения предлагали не альтернативную историческую концепцию, а совершенно другую форму подачи материала. Именно поэтому при Петре I появляются произведения, в которых «Сказания о князьях Владимирских» и этногенетическая легенда «Синописа» соотносятся вполне гармонично.

Московская элита, которая уже в конце XVII в. начинает активно читать книги, выходящие как в столице, так и в Ки-

⁵⁴ Там же. С. 17.

⁵⁵ Там же. С. 354–355.

⁵⁶ Хотя, безусловно, прямое копирование и даже плагиат имел место. Интересен в этом отношении пассаж, который отметил А. В. Сиренов. В Пространной редакции Латухинской Степенной книги 1699 г. Сиренов обнаружил стихи, сочиненные Гизелем (или кем-то из его окружения) и напечатанные впервые в «Синописе», изданном в 1680 г. Однако в «Степенной книге» эти стихи посвящены не царю Федору Иоановичу, а... Ивану Грозному. В этих виршах Иафет назван предком Ивана Грозного «по естество», то есть по крови. Данный текст, будучи прямым заимствованием из «Синописа», также является адаптацией этнодинастической концепции в московской книжности. Сиренов А. В. Степенная книга... С. 358.

еве, неосознанно делает этнические стереотипы частью своего сознания. В качестве примера приведем слова, предписанные Петру I и сказанные им солдатам перед началом Полтавской битвы: «И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за *Петра*, но за *государство*, Петру врученное, за *род свой* (по другой версии — за «народ всероссийский»), за *Отечество*, за православную нашу веру и церковь». По сравнению с речью, произнесенной на Земском соборе 1653 г., в словах великого русского реформатора звучит мотив, совершенно новый с точки зрения формирования этнических представлений. Петр фактически отказывается от традиционного династического критерия («не за Петра»), а защита веры в ряду лозунгов отступает на второй план. Основные ценности, обозначенные Петром I в этой речи, — государство, род, Отечество — вполне соответствуют содержанию малороссийских и великороссийских исторических произведений последней четверти XVII — нач. XVIII в.

Таким образом, меньше чем за шестьдесят лет новая этногенетическая концепция проделала путь от Киево-Печерского монастыря до Кремля. История происхождения, весь перечень мифов, которые мы находим в Палинодии Захарьи Копыстенского, все это в преломлении сквозь призму концепции «Синописа» оказалось в московских исторических сочинениях.